

Н.М. Солнцева (Москва, Россия)

Георгий Иванов о «склянке с ядом» Константина Леонтьева

Аннотация: В статье анализируются суждения Г. Иванова о К. Леонтьеве. Острота формулировок Иванова объясняется сходством взглядов Леонтьева с идеологией нового поколения эмигрантов, в том числе членов достаточно массовой партии младороссов. С точки зрения Иванова, политические воззрения Леонтьева во многом содержат опасность для формирования миропонимания современников. Мысль Леонтьева о том, что либерально-эгалитарный прогресс приведет к краху империи, сочеталась с его верой в возможность охранительного социализма в России, при этом монарх-социалист должен править с благословения Церкви. Младороссы – социал-монархисты, полагавшие, что с уходом старшего поколения большевиков с политической арены большевизму придет конец; в Советах без большевиков они видели перспективную форму самоуправления. В политической активизации молодого поколения эмигрантов, их образе мыслей Иванова не устраивало противостояние идеалам старой эмиграции. Считая идеи «новых русских людей» противоречивыми, иллюзорными, он публично выразил свое отношение к ним. Обманчивость надежд эмигрантов на Советы без большевиков – мотив известного стихотворения «Свободен путь под Фермопилами...». Иванов создал сложный, противоречивый портрет Леонтьева; в своих оценках человеческих качеств и взглядов Леонтьева он отчасти близок мнению Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Розанова.

Ключевые слова: либерально-эгалитарный, младороссы, монархисты, психологический, Розанов, фашизм

N.M. Solntseva (Moscow, Russia)

Georgy Ivanov on the “Vial of Poison” by Konstantin Leontiev

Abstract: The article is devoted to the analysis of G. Ivanov’s judgments about K. Leontiev. The sharpness of Ivanov’s statements is explained by the similarity of Leontiev’s views with the ideology of a new generation of emigrants, including members of the fairly mass party of “mladorosses” (young Russians). From the point of view of Ivanov, Leontiev’s political convictions in many ways contain a danger for the formation of the worldview of contemporaries. Leontiev’s idea that liberal-egalitarian progress would lead to the collapse of the Empire was combined with his belief in the possibility

of protective socialism in Russia and a socialist monarch, blessed by the Church. The “mladorosses” were social monarchists who believed that with the older generation of Bolsheviks leaving the political arena, Bolshevism would come to an end; they saw the Soviets without the Bolsheviks as a promising form of self-government. In the political activization of the younger generation of emigrants, their way of thinking, Ivanov was not satisfied with the opposition to the ideals of the old emigration. He considered the ideas of the “new Russian people” contradictory and illusory, and expressed his beliefs in a number of articles. The deceptive hope of emigrants for the Soviets without the Bolsheviks is the motif of the famous poem “The way is Free under Thermopylae...” Ivanov created a complex, contradictory portrait of Leontiev; he is partly close to the opinion of N. Berdyaev, S. Bulgakov, V. Rozanov in his assessments of Leontiev’s human qualities and judgments.

Key words: liberal-egalitarian, “mladorosses”, monarchists, psychological, Rozanov, fascism

Статья Г. Иванова «Страх перед жизнью (Константин Леонтьев и современность)» (1932) начинается с описания такого впечатления от собрания молодых эмигрантов, в том числе младороссов¹: над ними веял дух К. Леонтьева. В умозрении молодого поколения эмигрантов Иванов услышал отзвук мыслей Леонтьева и потому в статье создал его отнюдь не комплиментарный психологический портрет. Выбрав откровенные признания Леонтьева, обратившись к его трудам и биографии, он изобразил раздираемого противоречиями человека, явно не годившегося в идейные лидеры: тайный постриг принял, а умирал «непокорно» (557)²; в нем было много нравственных сил и нравственных мук; его идеи обсуждались интеллигенцией 1910-х гг., но он не был созвучен предреволюционной эпохе, как и своей; он был талантливым, страстным человеком и страдал оттого, что современники не оценили его; любил деятельность и впадал в отчаяние; не знал, любил ли Россию или презирал ее, да и Россия, как Бог, как его эстетизм и византийство, на самом деле не имели для него значения; он писал о религиозных вопросах, но верил только в материальную и принудительную силу. Иванов описал Леонтьева закоренелым неудачником – в карьере врача, дипломата, литератора, в любви, семейной жизни, материальной обеспеченности. Иванов упомянул газету «Вар-

¹ Союз националистов «Молодая Россия» был учрежден в 1923 г. в Мюнхене со штаб-квартирой в Париже; с 1925 г. – партия «Союз младороссов». Партийный значок № 1 принадлежал великому князю Кириллу Владимировичу. Возглавлял партию А.Л. Казем-Бек – эмигрант с 1920 г.; воевал в Белой армии; встречался с Гитлером, Муссолини. В 1937 г. оставил пост главы младороссов, стал антифашистом. Возвращенец, в 1957 г. получил советское гражданство, работал в отделе внешних сношений Московского Патриархата. В воспоминаниях О. Куликовской-Романовой, супруги внука Александра III, Казем-Бек назван ставленником ГПУ, с неудовольствием она отзывалась и о младороссах, «окруживших в.к. Кирилла Владимировича» (*Куликовская-Романова О.Н.* Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов. 1917–1993 / Сост. А.Ю. Хвалин. М.: ВТИ; Полиграф-Эра, 2004. С. 148). С точки зрения А. Ильина, Казем-Бек наносил «тягостный непоправимый удар по русскому делу и фронту» (письмо к И. Шмелеву от 20.04.1935 г.) (*Ильин И.А.* Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / Сост., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. С. 46). Партия была распущена в 1942 г. См.: *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988): Дисс. ... докт. ист. наук, 2005; *Базанов П.Н.* А.Л. Казем-Бек – лидер движения младороссов // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* СПб., 2015. Т. 16. №4. С. 116–125.

² *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 3 / Сост. Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1994. Здесь и далее номера страниц указаны в скобках.

шавский дневник», в которой публиковались статьи Леонтьева, и дал нелюбезный комментарий: между доводами административными и доводами ума и таланта Леонтьев выбирал первые; так происходило, как только на его жизненном пути появлялась некая «трибуна» – возможность влиять на общество.

Противоречия Леонтьева – повторяющийся мотив в работах о нем, и здесь Иванов следовал определенной традиции. Например, о раздробленности души Леонтьева, проповедничестве им насилия писал Н. Бердяев («К. Леонтьев – философ реакционной романтики», 1904), он даже назвал его страшным для христианства человеком. В. Розанов («Опавшие листья», 1912) не раз признавался в своей любви к Леонтьеву, считал его искренним, чистым человеком, но и он полагал, что его мысли перечеркивают друг друга. С. Булгаков («Победитель – Побежденный (Судьба К.Н. Леонтьева)», 1916) отмечал метафизические тревоги и даже страхи Леонтьева, писал о его язвительном и гордом уме, историческом чувстве, далекой от непосредственности и сердечной простоты вере, эстетизме вне морали. Такой Леонтьев был, по мнению Булгакова, европейцем, с презрением отзывавшимся о России, которую ценил только за византизм. Полагаем, что противоречивость, как и парадоксальность взглядов Леонтьева происходила из признания невозможности всеобщего согласия и мира. Ведь советовал он Розанову (письмо от 13.03.1891) «перерасти Достоевского с его “гармониями”, которых никогда не будет, да и не нужно»¹.

Булгаков считал, что если бы Леонтьев, верный своей историософской концепции рождения и умирания цивилизаций, увидел приближающуюся гибель старого мира, то испытал бы демонический восторг. Похожий отзыв о Леонтьеве встречаем у В. Розанова («О Конст. Леонтьеве», 1917): «Он был демоничен, т. е. отрицателен по отношению к целому фазису всемирной истории»; «Он стал демоном вместо ангела»². Но у Булгакова и Розанова тема демонического Леонтьева звучала корректно, тогда как Иванов высказался саркастично: его душевные силы не растрачены, перед смертью они его «корчат, как демон корчит бесноватого» (557).

Иванов прибегал к жестким оценкам: то Леонтьев утверждал свою мысль до хрипоты, то в раннюю пору был самонадеян, то бил поклоны по монастырям и т. д. Резкость свойственна Иванову-критику: за стихи В. Брюсова ему стыдно, поэзия И. Эренбурга поддельная, В. Набоков – виртуоз, но пишет пошлость, в «Истории любовной» (1926–1927) И. Шмелева язык «вертлявый», а переживания героя «ничтожны» (506), А. Крученых – «примазавшийся» (498) к революционерам в поэзии, М. Цветаева пишет о Б. Пастернаке с «восторженной истерикой» (500), «Скифы» (1918) А. Блока – «посредственные ямбы под Брюсова» (500), в стихах В. Ходасевича его внутренний мир скуден и т. д. Но Иванов не касался романов Леонтьева, не рассматривал его публицистику как эстетическую данность, он обратился к его идеям, ставшим для послевоенного поколения «опостылевшим ежедневным “пайком”» (565). Если Розанов считал, что в случае с Леонтьевым путь цитирования непродуктивен, потому что суть его мышления заключена в методе, а не отдельных утверждениях, то Иванов в стремлении развенчать политическую значимость Леонтьева фокусировал внимание читателей прежде всего на его суждениях о связи духовных начал с политической силой и вреде демократической конституции, о том, что без насилия и страха ничего хорошего не выйдет, и др.

¹ Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 2001. С. 329.

² Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях / Общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1995. С. 653, 655.

Иванов исходил из того, что интеллектуальное наследие Леонтьева содержит опасность для воззрений современников. О созвучии идей Леонтьева новой эпохе писали и другие. Так, И. Шмелев искал в его работах ответы на свои вечные вопросы, относился к нему с неизменным пиететом, собирал материал о его жизни в Оптиной пустыни, хотя и удивлялся, как мало Леонтьев дал ему для написания «Путей небесных» (1935, 1947), о чем сообщил Ильину (письмо от 24.01.1947 г.). Предвидение Леонтьевым катастрофы мещанской цивилизации Европы Булгаков считал актуальным для XX в. Розанов уверял, что время Леонтьева придет, что он мог бы обратиться к потомкам с призывом любить жизнь «до преступления, до порока»¹, жить без тоски.

Иванов сосредоточился на негативной стороне соответствия Леонтьева современности. Полагаем, что на пафос «Страха перед жизнью», остроту формулировок повлияло неприятие Ивановым идеологии достаточно массового движения младороссов. Не будь их, Иванов, может быть, и не взялся бы за создание образа Леонтьева-реакционера. Он считал, что его идеи и «странные надежды», «точно склянка с ядом» (559), откупорились для нового поколения, для современности со Сталиным, Муссолини, Гитлером и фашизмом с их презрением к человеку: «Не знаешь иногда, кто это говорит, Леонтьев, или гитлеровский оратор, или русский младоросс» (565).

Возможно, идеи Леонтьева и стали для младороссов знаменем, но они, несмотря на их свастику, вскидывание руки в честь вождя, на то, что называли себя фашистами, считали нацистов расистами и не были поклонниками Гитлера; впоследствии в Германии союз младороссов был запрещен, а они стали антифашистами, участвовали во французском Сопротивлении (см.: *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010). В антинацистской газете младороссов «Бодрость!» (с 1939 г. – журнал) публиковались Н. Берберова, В. Вейдле, Р. Гуль, К. Мочульский, В. Набоков, А. Ремизов, В. Ходасевич, А. Штейгер и др. (см.: *Массин М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек, русский эмигрант (1902–1977) // Звезда. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический независимый журнал. СПб., 2000. № 10. С. 184–196; *Массин М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. М.: Языки славянской культуры, 2010).

В одной из статей «Варшавского дневника» – «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880) – Леонтьев, со своим «монархическим педантизмом», писал о поколении дворян, воспитанных на «смутных», «расшатанных» европейских «понятиях»². В «Византизме и славянстве» (1875) он раскритиковал воспринятый ими проект либерально-эгалитарного прогресса³, который непременно приведет империю к катастрофе. Младороссы были неомонархистами, точнее – социал-монархистами.

Младороссы считали себя духовным братством, мечтали о мировой революции Духа. Но и Леонтьев («Национальная политика как орудие всемирной революции», 1888) мечтал о лидерстве русских в славянском мире через их духовную

¹ *Розанов В.В.* Собр. соч.: О писательстве и писателях. С. 656.

² *Леонтьев К.* Записки отшельника / Сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. М.: Русская книга, 1992. С. 327.

³ «Явления эгалитарно-либерального прогресса схожи с явлениями горения, гниения, таяния льда... холерного процесса, который постепенно обращает весьма различных людей сперва в более однообразные трупы (равенство), потом в совершенно почти схожие (равенство) остовы и, наконец, в свободные (относительно, конечно): азот, водород, кислород и т. д.» (*Леонтьев К.* Записки отшельника. С. 119).

самость: «Русским в наше время надо... стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной, бытовой... И тогда и остальные славяне пойдут со временем по нашим стопам»¹. Суть проблемы – по каким «стопам».

Младороссам нужна была Россия не реставрированная, а новая. Они признавали претензии великого князя Кирилла Владимировича на престол и при этом исходили из того, что советский принцип многоступенчатых выборов предпочтительнее парламентского. В Советах без большевиков они видели оптимальную форму самоуправления. Младороссы уверяли себя, что с истреблением в СССР старшего поколения большевиков умрет большевистская идея, по-сменовеховски полагали, что большевизм будет преодолен. Иванов («О новых русских людях», 1933) считал сменовеховство вульгарным, а в статье «Конец Адамовича» (1950) с сарказмом писал: «Младороссы, с ведома “Императора”, вступали в “переговоры” с приезжими чекистами из “хороших фамилий”... рассчитывая их перехитрить» (608).

Леонтьев же допускал возможность социализма в России, если социалистом станет сам монарх (как Константин Византийский осмыслил идеи христианства) и «с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на месте либерально-буржуазной»². Леонтьев называл такую форму охранительного социализма (христианского и созидательного) рабством, которому не придавал негативного смысла, поскольку только временное «подмораживание» («Газета “Новости” о дворянском пролетариате», 1880) России может противостоять разрушительному либерализму³ и может интеллектуально, духовно поставить Россию во главе современного человечества – слабонервного и изнеженного, как он писал В. Розанову (13–14.08.1891).

Идеи младороссов побудили Иванова («О новых русских людях») сделать вывод о том, что на смену борьбе внутри старой эмиграции пришел новый человек, который проведет иную разделительную черту – между собой, с одной стороны, и старой эмиграцией и большевиками, с другой стороны. Как воззрения Леонтьева, так и взгляды «новых русских людей» «путаны, противоречивы, пестры» (574). Об этой путаности – опубликованное в 1957 г. стихотворение Иванова «Свободен путь под Фермопилами...»⁴ (<1955>).

«А мы – Леонтьева и Тютчева / Сумбурные ученики», – пишет Иванов, имея в виду как историческое мышление Леонтьева и Тютчева, так и их внутренние про-

¹ Леонтьев К. Записки отшельника. С. 498.

² Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854–1891 / Предисл., коммент. Д. Соловьева. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 473.

³ Кроме того, необходимость общественного насилия Леонтьев обосновывал пороками русского человека: «...пороки эти очень большие и требуют большей, чем у других народов, власти церковной и политической. То есть наибольшей меры легализованного внешнего насилия и внутреннего действия страха согрешить. А куда нам “любовь”! Народ же, выносящий и страх Божий, и насилие, есть народ будущего ввиду общего безначалия...» (письмо к Розанову от 08.05.1891). См.: Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. С. 334.

⁴ «Свободен путь под Фермопилами / На все четыре стороны. / И Греция цветет могилами, / Как будто не было войны. // А мы – Леонтьева и Тютчева / Сумбурные ученики – / Мы никогда не знали лучшего, / Чем праздной жизни пустяки. // Мы тешимся самообманами, / И нам потворствует весна, / Пройдя меж трезвыми и пьяными, / Она садится у окна. // “Дыша духами и туманами, / Она садится у окна”. / Ей за морями-океанами / Видна блаженная страна: // Стоят рождественские елочки, / Скрывая снежную тюрьму. / И голубые комсомолочки, / Визжа, купаются в Крыму. // Они ныряют над могилами, / С одной – стихи, с другой – жених... / ...И Леонид под Фермопилами, / Конечно, умер и за них» (Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1 / Сост. Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1994. С. 387).

творчества. Под «мы» понимается, скорее всего, эмиграция в целом. Сумбурность ее ученичества объясняется праздностью и самообманами. Если иметь в виду вывод Иванова о соответствии политических взглядов Леонтьева смыслу власти Сталина, стремление младороссов сочетать меньшевистские Советы и монархию, а еще посещение советского посольства русскими эмигрантами 12 февраля 1945 г., появление советофильства в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции», публикацию статей Г. Адамовича в просоветских газетах и реакцию Иванова на его книгу «Другая родина» (1947) в статье «Конец Адамовича», то проясняется смысл и самообманов, и строк стихотворения: «Стоят рождественские елочки, / Скрывая снежную тюрьму. / И голубые комсомолочки, / Визжа, купаются в Крыму. // Они ныряют над могилами». Сильная позиция стихотворения – страна-тюрьма и море, ставшее могилой для жертв крымских репрессий (ср.: мотив мертвого моря в «Солнце мертвых» (1923) Шмелева). Их он противопоставляет иллюзии «блаженной страны». По сути, содержание стихотворения – возражение Леонтьеву («Византизм и славянство») с его «властью... деспотической идеи», реакцией, которая «везде чувствует эмпирически истину»¹, с его созидательным социализмом, который в XX в. будет играть роль христианства². Как напоминание современникам о цене «свободного пути» в первой и последней строках звучит слово «могила»; повторяющийся мотив битвы войска Леонида и армии Ксеркса проецируется через «комсомолочек» на русскую реальность.

Итак, Иванов сфокусировался на Леонтьеве как угрозе адекватному восприятию Советов.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1 / Сост. Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1994. 656 с.

Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3 / Сост. Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1994. 720 с.

Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1935–1946) / Сост., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 576 с.

Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов. 1917–1993 / Сост. А.Ю. Хвалин. М.: ВТИ; Полиграф-Эра, 2004. 192 с.

Леонтьев К. Записки отшельника / Сост., вступ. ст., примеч. В. Кочеткова. М.: Русская книга, 1992. 544 с.

Леонтьев К.Н. Избранные письма. 1854–1891 / Предисл., коммент. Д. Соловьева. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 637 с.

¹ *Леонтьев К.* Записки отшельника. С. 129.

² «...в сущности либерализм есть, несомненно, разрушение, а социализм может стать и созиданием. Но это купится ценой долгой приостановки того безумного движения, которое охватило теперь (с XVIII века) разрушаемый эгалитарную свободой старый мир... социализм в XX и XXI веке начнет на почве государственно-экономической играть ту роль, которую играло христианство на почве религиозно-государственной тогда, когда оно начинало торжествовать» (письмо к К.А. Губастову от 15.03.1889). См.: *Леонтьев К.* Избранные письма. 1854–1891. С. 437–438. Леонтьев считал, что нельзя не верить в нелиберальную будущность социализма (письмо К.А. Губастову от 5–7.06.1889).

Розанов В.В. Собр. соч.: О писательстве и писателях / Общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. 734 с.

Розанов В.В. Собр. соч.: Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. 478 с.

REFERENCES

Ivanov G. The Collected Works: In 3 vols. Vol. 1 / Comp. by E.V. Vitkovsky, V.P. Kreida; comments by V.P. Kreida, G.I. Moseshvili. Moscow. Soglasie Publ. 1994. 656 p.

Ivanov G. The Collected Works: In 3 vols. Vol. 1 / Comp. by E.V. Vitkovsky, V.P. Kreida; comments by V.P. Kreida, G.I. Moseshvili. Moscow. Soglasie Publ. 1994. 720 p.

Ilyin I.A. The Collected Works: Correspondence of Two Ivanovs (1935–1946) / Comp., comments by Yu.T. Lisitsa. Moscow. Russkaya Kniga Publ. 2000. 576 p.

Kulikovskaya-Romanova O.N. Of the Royal Family. Tikhon Nikolaevich Kulikovskiy-Romanov. 1917–1993 / Comp. by A.Yu. Khvalin. Moscow. VTI; Polygraph-Era. 2004. 192 p.

Leontiev K. Notes of a Hermit / Comp., introduction, note by V. Kochetkov. Moscow. Russkaya Kniga Publ. 1992. 544 p.

Leontiev K.N. Selected Letters. 1854–1891 / Preface, comments by D. Solovyov. St. Petersburg. Pushkin Foundation Publ. 1993. 637 p.

Rozanov V.V. The Collected Works: About Writing and Writers / General ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow. Respublika Publ. 1995. 734 p.

Rozanov V.V. The Collected Works: Literary Exiles. N.N. Strakhov. K.N. Leontiev / General ed. by A.N. Nikolyukin. Moscow. Respublika Publ. 2001. 478 p.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Солнцева,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia M. Solntseva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natashasolnceva@yandex.ru